

Армянская бригада / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Армянская бригада / рассказ АРМЯНСКАЯ БРИГАДА

Многонациональные рабочие бригады заключенных представляли собой сущую мешанину. Формировались они по медицинским показателям, иначе говоря, показателям трудоспособности. Вот и появились бригады здоровяков, а за ними середняков и слабаков. За слабаками плелись нетрудоспособные доходяги, так называемые пеллагрики – это если говорить по-научному, а если словами Заманова, то безжопые; походили они не столько на людей, сколько на кое-как волочащие ноги либо вовсе обездвиженные привидения. У них, этих пеллагриков, ничего, по сути, не болело, но, вконец изнуренные, они таяли на глазах и умирали то на лавке либо в отхожем месте, то не добравшись до бани, а то и просто закрывали глаза прикорнуть, да так и не просыпались.

Так вот, поскольку, как уже сказано, многонациональные бригады заключенных представляли собой сущую мешанину и лагерное начальство рассматривало такую организацию труда как изъян, препятствующий перевыполнению планов, Ашот-даи как-то высказал мысль, мол, хорошо бы создать национальные бригады: узбекскую, белорусскую, украинскую, грузинскую, еврейскую: глядишь, и дела пойдут получше. Ашота-даи в данном случае меньше всего занимали те самые планы, ему хотелось, чтобы армяне обзавелись уголком, где можно было бы собираться вместе, чтоб они вместе работали, спали, просыпались, смеялись и горевали. Свой замысел Ашот-даи поставил на производственные или даже, пожалуй, на политические рельсы и как-то в разговоре с комендантом сказал:

– Мы же не работаем, а возводим Вавилонскую башню. Многие в лагере по-русски ни бум-бум, и система смешанных бригад не дает должного эффекта. Нужно сформировать национальные бригады и предоставить им право избирать и бригадиров, и раздатчиков пищи, тогда, о-о, тогда...

Не лишенный деловой хватки комендант Жигилевский явился пред очи начальника, в знак уважения слегка поклонился, изложил ему, пожирая глазами, соображения Ашота-даи и умолк. Если начальник одобрит означенный проект, комендант объявит его своим изобретением, если же сочтет неприемлемым или, пуще того, вредным, он обронит фразу наподобие следующей:

– Я так ему и сказал, гражданин начальник, я же знал, предложение в корне ошибочное.

– Чье, бишь, это предложение? – спросит начальник, а Жигилевский отрапортует:

– Армянина гончара: ну, Ашота...

Начальник, однако, помолчал, подумал и молвил:

– Надо переговорить с начальником управления товарищем Бычко.

Два дня спустя начальник лагеря вызвал коменданта Жигилевского и надзирателя Сидорова. Сообщил, что по его, начальника лагеря, предложению и с согласия начальника управления лагерей товарища Бычко решено переформировать действующие бригады по национальному признаку.

– Приступайте, – заключил он. – Бригадиров пускай выбирают из своей среды, баландеров тоже. Может, и вправду станут лучше работать.

О национальном признаке. Что это такое, всякому понятно, но, когда комендант и надзиратель уселись за скрипучие конторки и принялись составлять по означенному признаку бригады, то нутром уловили серьезную загвоздку: как же быть с данными о здоровье и физическом состоянии заключенных? Однако, когда списки были готовы, комендант с надзирателем сообразили, что нужно вести речь всего лишь о двух категориях личного состава – мертвецах и еще живых, – в эти категории умещаются все без изъятия национальности...

Не успели бригады вернуться с работы, весть о реорганизации с легкой руки надзирателя Сидорова уже проникла на кухню. Достигла она и бани, и парикмахеров, и прочих лагерных придурков, как именовали их трудяги. Совершенно ошеломляющее впечатление произвела на шеф-повара Месропа Узуняна. Месроп, или, как звали его блатные, дядя Миша, а политические – Михаил Арутюнович, был доставлен сюда из Восточного Причерноморья,

где обитает много армян, из города Адлера. На воле его связывали со стряпней такие же точно узы, как меня с китайскими церемониями, однако благодаря получаемым из дома посылкам с лавровым листом, душистым перцем и другими пряностями, а также с отборными папиросами перед ним широко распахнулись двери кухни. Приправляя обеды своими специями, Месроп готовил для лагерного начальства блюда на объединение, что позволяло ему третий год кряду крепко держать в руках доблестный половник шеф-повара.

Весть о национальных бригадах потому поразила Месропа, что до сих пор он видел перед собою неразличимую массу, даже без чисто человеческих особенностей, куда уж там национальных. Он оделял бригады едой, что называется, не глядя, заботясь о том, чтобы не сбиться со счета, и ни о чем более. Отныне же изволь кормить не вообще заключенных, а русских, азербайджанцев, украинцев, грузин, армян: и будь любезен угодить всем лагерным народам – большим и малым, – дабы не плодить недовольных пересудов.

Пока то да се, завечерело, лагерные ворота раскрылись, и выбившиеся из сил арестантские бригады вернулись... ну, скажем, домой. Весь день и всю казавшуюся нескончаемой обратную дорогу они мечтали лишь о том, как, добредя до барака, повалятся на свое дощатое, в человеческий рост, жизненное пространство, получат дневную пайку хлеба и баланду и заснут, да так, что, даже если в полночь сквозь наглухо запертые лагерные ворота к ним проникнет сам дух свободы и по его знаку трубы протрубят, барабаны прогремят, пушки прогрехочут благовестие: «Встаньте, о люди, и ступайте по домам, вы свободны!» – они все равно не пробудятся от сладкого сна, сна, чью силу и почтение к которому дано постичь единственно недоедающему и тяжело работающему зэку.

Вот отчего весть о переформировании бригад грянула над головами воротившихся восвояси зэков как гром среди ясного неба. Лагерь засуетился, как развороченный муравейник, и, торопливо, на ходу уничтожив ужин, народ подхватил пожитки и сгрудился согласно приказу на просторном дворе.

По большаку подошел комендант Жигилевский.

– Сесть! – скомандовал он.

Зэки как один сели кто на свою котомку, кто на корточки, делая вид, будто наземь.

– Встать... сесть... встать! А теперь внимание. Русские с вещами в барак номер три марш, узбеки, таджики, прочая среднеазиатская нечисть – в барак номер два, хохлы – в барак номер четыре, грузины, армяне, азербайджанцы – в барак номер пять, латыши, литовцы, эстонцы – барак номер шесть, жида...

Прижав к груди немаркие свои вещички, жестяные и деревянные миски, а кто позажиточней – фанерные ящики, заключенные разбрелись в разные стороны, кому куда велено. Лагерный двор опустел. С легким сердцем исполнившего свой долг человека комендант Жигилевский направился на кухню, дабы немного нагрузить желудок, надзиратель же Сидоров двинулся по баракам инструктировать национальные бригады: как им избрать свое руководство – бригадира и баландера, – помня при этом, что...

– Начальник лагеря может утвердить, а может и не утвердить ваши выборы.

В пятом бараке самая середка двухъярусных нар – оба этажа – досталась по жребию армянам, а правое и левое крыло – грузинам и азербайджанцам. К царившим в бараке шуму-гаму, толкотне и пыли постепенно примешивался едкий махорочный дух новоселов. В дверях показался шеф-повар Месроп Узунян, он же дядя Миша, он же Михаил Арутюнович; к нему немедля подскочил услужливый Мамо, выхватил из рук аккуратно завязанный узелок, чемодан с металлической ручкой и препроводил к «армянскому очагу». Прибытие главного повара все три нации встретили приветствиями и радостными возгласами:

– Бари галуст, Месроп!

– Миша-даи, хош гялар!

– Ваша, Мишо, генацвале!

Троица гончаров разместилась бок о бок. Ашот-даи с присущим ему проворством уже забивал там и тут гвозди, что-то на них развешивал. Санасар бережно прикрепил к стенке Лялину фотокарточку, ну а я... я смотрел на потускневшее лицо Месропа. Тот устроился слева от меня.

– Месроп, и ты тут? Мы теперь настоящая Армения, – подал голос

Ашот-даи.

– Не знаю, не знаю, – мрачно сказал Месроп. – Мне такая Армения ни к чему.

– Это почему же? – удивился Ашот-даи.

– Мне плохо придется.

– Почему?

– Отстань, ляпнул и ляпнул.

Месроп разложил вещи, слез с нар и, не проронив ни звука, вернулся на кухню.

Нас было двадцать шесть армян, из них несколько ереванцев, кое-кто из сел Армении, двое из Тифлиса, профессор Жанполадян – заведующий кафедрой химии Бакинского университета, Смбат Саргсян – парработник, обвиненные в принадлежности к партии «Дашнакцутюн» канцелярские служащие да еще рыжеусый и голубоглазый Левон Жамкочян, председатель по профессии. «Чего председатель-то, Левон, председатель чего?» Тот перечислял:

– Председатель месткома, председатель производственной комиссии, председатель правления, председатель ревизионной комиссии...

Короче говоря, председатель.

Выборы бригадиров и раздатчиков пищи, то бишь баландеров, успешно завершили как азербайджанцы, так и грузины; грузины выбрали Васо Цулукидзе, который на том свете был инженером-строителем, азербайджанцы же – ответственного работника бакинского «Водоканала» Мамеда Джафарова. Раздатчиками пищи стали болезненный, с нездоровым румянцем на щеках Гугушвили и директор одного из первоклассных бакинских ресторанов Ширалиев. Надо полагать, и в других бараках выборы прошли без сучка и задоринки, зато в армянской бригаде разразился форменный правительственный кризис.

Состоявшая, как уже сказано, из двадцати шести душ, армянская бригада раскололась на три партии: коммунистов (пятеро), «дашнаков» [1] (восьмеро) и нейтралов (тринадцать). Блок дашнаков и части нейтралов единодушно выдвинул кандидатом в бригадиры профессора Жанполадяна, но тот, раскурив самокрутку и выпустив дым в армянские свои усы, интеллигентно взял самоотвод:

– Если вы меня уважаете, позвольте мне работать в качестве рядового. Благодарю за доверие.

Коммунист Абел Тарахчян изложил особую точку зрения: коммунисты, дескать, не могут работать под началом беспартийного, тем паче дашнака, и потребовал, чтобы бригадиром всенепременно был избран кто-то из коммунистов, в противном случае, настаивал он, будет совершена политическая ошибка; засим он выдвинул кандидатуру партработника Смбата Саргсяна. Бывший учитель Погос Саятян, обвиненный в принадлежности к дашнакам, высказался так:

– Я просто диву даюсь! Должно быть, Абел Тарахчян упустил из виду, где он находится. О каком партийном руководстве он толкует? Все мы тут арестанты, всего лишь арестанты, наделенные совершенно равными правами, вернее, в равной степени бесправные... Предлагаю кандидатуру Фархата.

Речь шла о зэке-ветеране, обладателе окладистой бороды Саргисе Канаяне. Что до Фархата, так это, скорее всего, была его партийная кличка.

В прения вмешался тифлисец Васил Караханов, с нескрываемым изумлением внимавший ораторам:

– Вы что, царство Ираклия, что ли, делите?! Не стыдно вам? Изберите кого-нибудь, и баста.

Не по себе было и Ашоту-даи, впрочем, он своего беспокойства ничем не выражал. Этого беспокойства никто, наверное, кроме меня, и не заметил. Мы, работавшие в гончарне, присутствовали здесь на правах сторонних наблюдателей острой борьбы; поскольку мы с Ашотом-даи числились в соответствующей ремесленной бригаде, приписанной к хозяйственному подворью, то не могли ни избирать, ни быть избранными, ни вмешиваться во внутренние дела данной рабочей бригады. Смею предположить, Ашот-даи наверняка бы поспособствовал благополучному исходу тяжбы, не будь... не будь он лишен голоса.

– Я прекрасно сознаю, где нахожусь, – уже не владея собой, повысил голос Абел Тарахчян. – Но, где б я ни был, я никогда не забываю, что я коммунист. А находимся мы в советском лагере. В советском, а не фашистском. И руководящую роль обязаны здесь играть исключительно коммунисты!

– И по сколько же лет вы схлопотали, товарищи коммунисты, – саркастически справился Погос Саятян, – по пятнадцать? А мы, кого вы считаете фашистами, всего лишь по десять. И с какой это стати мне работать под началом врага народа? Довольно ломать комедию, Фархат – бригадир!

Поднялся гвалт.

– Опять февральскую авантюру затеяли!

– И здесь насилие!

– Пускай покажут партбилеты...

– Враги народа!

– Фашисты!

Ашот-даи свернул самокрутку.

Возвратился с кухни Месроп. Устраиваясь на нарах по соседству со мной, он едва слышно спросил:

– Что стряслось, орут-то чего? – Я пояснил. – Стыд и срам, – проворчал Месроп. – Бригадир, баландщик... нашли из-за чего горло драть. – Помолчал и добавил: – Уйду я с кухни. Пусть каждая нация, каждая бригада свою кухню заведет и своего повара. Не могу я все нации кормить.

Терпение Ашота-даи лопнуло.

– Братцы, – сказал он, – армяне мы или кто, народ или сброд? Нас всего лишили – земли, дома, семьи, зашвырнули в Сибирь, и вместо того чтобы стать единым телом и единым духом, вы рвете друг друга на куски. Соседей бы постыдились. Или мы хуже всех?

– Никаких политических уступок! – выкрикнул Смбат Саргсян.

– Да кто ты такой, чтоб уступать или не уступать?!

– Контрреволюционное болото зашевелилось. Осторожно, товарищи, будьте бдительны!

В барак вошли комендант Жигилевский и надзиратель Сидоров и, переписав имена и фамилии грузинского и азербайджанского бригадиров, обратились к нам.

– Кого выбрали? – осведомился Сидоров.

Молчание.

– Кто у вас бригадир? – повысил голос Жигилевский. – Пялятся, ровно бараны...

– Нету бригадира, – робко сказал кто-то.

– И не будет, – присовокупил Смбат Саргсян.

– У нас политические разногласия.

– Чего-чего? – рявкнул Жигилевский. – Ах вы, армяшки неисправимые! Вы и тут в политику влезли? Да я вас... Сгною в штрафных лагерях... Расстреляю...

Они с Сидоровым ушли, но через полчаса вновь явились.

– Армянская бригада распускается. Запоминайте, кому в какую бригаду, забирайте свои шмотки, и чтоб духу вашего тут не было! Саргис Канаян, Смбат Саргсян, Артюша Джанполадян – в русскую бригаду...

Спустя два месяца новый начальник лагеря Устинов знакомился с рабочими бригадами и тем, как у них поставлено дело; оторвавшись от списков, он поинтересовался:

– Что-то я не вижу армянской бригады.

– Прежний начальник распустил ее, гражданин начальник, армяне распределены по другим бригадам.

– Ах да, – постиг этот вопрос очкастый, в цивильном костюме и с почти добрым лицом новый начальник. – Так ведь и в других бригадах я не вижу фамилий на «ян»: Ага, вот одна – Джанполадян.

– Так точно, – поддакнул Жигилевский, – они все – кто в хозяйственных бригадах: санитаром, завмагом, дневальным, судомоем на кухне, кто на хозяйственном подворье: сапожники, столяры, портные.

– Верно-верно, – в свою очередь, подтвердил проницательный начальник. – Эти армяне на диво мирный народ.

– Справедливо подмечено, гражданин начальник, – согласился Жигилевский. – Армяне мирные и всегда друг друга держат...

...Опускается ночь. Национальные бригады погружаются в сон.

1964 г.

Гурген МААРИ.

[1] Обвинение в принадлежности к дашнакам было в сталинское время стандартным и в подавляющем большинстве случаев абсолютно надуманным; поэтому писатель и воспользовался кавычками. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

Перевод с армянского Нелли МКРТЧЯН и Георгий КУБАТЯН.

«Дружба народов» 2003, N 10. Некаýalar